

W

ЖУРНАЛЪ

0

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLVIII.

1888.

АВГУСТЪ.

8597
10/05

ЗВІРЕНО 1961 р.

**Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР**

СПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

278174

услугу, рѣшаясь популяризовать выводы (хотя бы и временные) научныхъ изслѣдованій. Если лишить науку этого права, то, по вѣрному замѣчанію того же Г. Париса (*La poésie au moyen âge*, р. 92), „она сведется къ простой эрудиціи, будетъ слѣпымъ и скуднымъ искателемъ, который не пользуется накопленными богатствами, а собираетъ ихъ лишь для своихъ наслѣдниковъ“. Будемъ же признательны Гастону Парису за то, что онъ не уподобился этому скупому.

Ф. Батюшковъ.

Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины Московскаго государства.

Въ прошломъ году вышла въ свѣтъ моя диссертация „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Томъ I. Исторія колонизаціи“. Помимо официальныхъ замѣчаній на диспутѣ профессора В. О. Ключевскаго и Н. А. Попова, она вызвала цѣлый рядъ библиографическихъ замѣтокъ и рецензій. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Русской Мысли, Русской Старинѣ, Харьковскомъ Сборникѣ и нѣкоторыхъ газетахъ. Первый рецензентъ сдѣлалъ болѣе или менѣе подробную характеристику содержанія и оцѣнку первыхъ четырехъ главъ моей книги; второй—остановился исключительно на вопросѣ о великорусской колонизаціи и представилъ рядъ соображеній противъ моего мнѣнія о государственномъ характерѣ этой колонизаціи въ южной степной окраинѣ Московскаго государства; третій—далъ крайній обзоръ всей книги, одобрилъ выборъ темы и отмѣтилъ богатство и новизну матеріаловъ; четвертый—указалъ на критическое и вполне самостоятельное отношеніе мое къ источникамъ и пособіямъ, на обиліе и разнообразіе найденныхъ мною матеріаловъ, послѣ чего довольно подробно изложилъ содержаніе моей книги; это изложеніе впрочемъ не доведено до конца—оканчивается на половинѣ пятой главы, такъ какъ во время составленія рецензіи книга моя не была еще окончена печатаніемъ на страницахъ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей.

Въ общемъ всѣ эти отзывы болѣе или менѣе благопріятны для меня, и потому мнѣ оставалось бы только поблагодарить гг. рецензентовъ за ихъ трудъ и воздержаться отъ всякой полемики. Но, не

выступая съ полемикой исключительно pro domo sua, я рѣшилъ все-таки напечатать небольшую статью по поводу тѣхъ мнѣній, съ которыми я не могу согласиться. Къ этому меня побудило то обстоятельство, что вопросъ, поднятый мною, признанъ всѣми заслуживающимъ вниманія и разработки.

Рецензентъ Ж. М. Н. Пр. говоритъ: „Объемистое изслѣдованіе профессора Багалѣя, посвященное предмету весьма любопытному и притомъ весьма важному для уясненія многихъ сторонъ исторіи нашего юга,—составляетъ только видоизмѣненіе и развитіе темы, которой г. Багалѣй уже нѣсколько лѣтъ посвящаетъ свои труды съ похвальнымъ усердіемъ“. Въ этомъ пунктѣ сходятся съ нимъ и другіе. Мало того—въ моей книгѣ есть пробѣлы, которые отмѣчены были мною самимъ; продолжая разрабатывать данную тему, я старался провѣрять нѣкоторыя существенныя замѣчанія своихъ критиковъ, а также разыскивать новыя матеріалы въ архивахъ, чтобы пополнить недостающее. Въ настоящей статьѣ я намѣренъ представить результаты моихъ трудовъ по этому предмету. Думаю, что мои замѣтки, написанныя не съ исключительно полемическою цѣлью, а для уясненія одного изъ важныхъ вопросовъ русской исторіи, будутъ совершенно умѣстны въ серьезномъ научномъ органѣ. Въ своихъ замѣчаніяхъ я постараюсь отмѣтить вопросы, которые выдвинуты критиками и разрѣшены ими не такъ, какъ рѣшилъ ихъ я; это не займетъ очень много мѣста, такъ какъ такихъ возраженій было высказано не много.

Употребляемый мною терминъ „колонизація“ вызвалъ замѣчанія г. П. въ Ж. М. Н. Пр. Онъ говоритъ, что моя книга трактуетъ о заселеніи, а не о колонизаціи южнорусскихъ степей, и что это понятія близкія, но далеко не тождественныя. „Колонизаціей въ строгомъ смыслѣ слова“, говоритъ рецензентъ,—„можетъ быть названо селеніе, основываемое государствомъ (или народомъ) внѣ его предѣловъ, далеко за его предѣлами, и притомъ непременно среди другаго чуждаго народа... О славяно-русскихъ племенахъ... можно сказать, что они колонизовали сѣверъ и сѣверо-востокъ Руси“. Но почему же этого самаго нельзя сказать, спросимъ мы, о южно-русскихъ племенахъ, выдвигавшихъ свои селенія на югъ и юго-востокъ и основывавшихъ при этомъ постепенномъ колонизаціонномъ движеніи настоящую колонію Тмутаракань? Вѣдь и колонизація финскаго края состояла въ постепенномъ расширеніи границъ и предѣловъ славяно-русскихъ племенъ. Неужели неправильно назвать Строгановыхъ колонизаторами

Камскаго края только потому, что имъ пожалованы были пустыя земли, и притомъ не очень далеко за предѣлами Русскаго государства, если они защитили эти земли отъ набѣговъ кочевниковъ и заселили служилыми и вольными промышленными людьми? А если мы оставимъ за ними этотъ титулъ, какъ дѣлаетъ, на примѣръ, С. М. Соловьевъ, то какая существенная разница будетъ между ихъ дѣятельностью и дѣятельностью центрального московскаго правительства на южной степной окраинѣ? Почему закавказскихъ ~~молоканъ~~ нельзя назвать переселенцами? Почему ихъ нужно называть колонистами, если нынѣшнихъ малороссіянъ, перешедшихъ на жительство въ Восточную Сибирь и основавшихъ тамъ свои поселенія, мы называемъ просто переселенцами? Почему нельзя назвать переселенцами малороссіянъ, переселявшихся въ XVII вѣкѣ изъ разныхъ областей Рѣчи Посполитой въ Слободскую Украину? Почему о нихъ нельзя сказать, что они колонизовали этотъ край, если они селились на „татарской степи“, гдѣ кочевали со своими стадами татары и имѣли здѣсь даже временныя пріюты? Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ дѣйствительности довольно трудно установить предлагаемое г. рецензентомъ различіе между терминами „колонизація“ „заселеніе“ и „переселеніе“; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ оно на практикѣ не установилось; въ литературѣ и живомъ употребленіи языка постоянно существуетъ то смѣшеніе терминовъ, которое отмѣчено у меня г. рецензентомъ. Всѣ историки русской колонизаціи употребляли нерѣдко это слово въ смыслѣ заселенія: С. М. Соловьевъ, Н. П. Барсовъ, П. И. Голубовскій, Е. И. Перетятковичъ и др. И это мы объясняемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что наша русская колонизація далеко не похожа на западно-европейскую, особенно англійскую; для англичанина съ понятіемъ колоніи связывается представленіе о поселеніи, лежащемъ далеко за предѣлами его острова; о внутренней колонизаціи у него не могло составиться представленія, такъ какъ Англія давнымъ давно уже заселена; на оборотъ у насъ на Руси преимущественно развилось понятіе о колонизаціи, происходившей недалеко отъ государственной границы, и этотъ процессъ не закончился еще и въ настоящее время, а въ прошломъ и XVII столѣтіяхъ онъ находился въ самомъ разгарѣ.

Но кромѣ этой неточности терминологіи, г. П. указываетъ еще на привнесеніе въ мою книгу матеріала, не относящагося къ темѣ; по его словамъ, болѣе трети тома я посвятилъ исторіи бита, между тѣмъ какъ въ предисловіи обѣщаль говорить только о коло-

незацин; критикъ спрашиваетъ меня, о чемъ же я буду въ такомъ случаѣ говорить во второмъ томѣ своего изслѣдованія. Охотно отвѣчаю на этотъ вопросъ: 2-й томъ будетъ посвященъ спеціально бытовой исторіи и будетъ состоять изъ трехъ главъ—1-я будетъ заключать въ себѣ исторію землевладѣнія, 2-я—исторію сословій, 3-я—исторію управленія; всѣхъ этихъ вопросовъ я, можно сказать, вовсе не касался въ своей нынѣшней работѣ или, правильнѣе говоря, касался не столько, на сколько это было необходимо для пониманія самаго хода заселенія; въ первый моментъ поселенія уже устанавливались извѣстныя бытовныя нормы, которыя впоследствии укрѣплялись, видоизмѣнились или уничтожались; въ первый моментъ заселенія устанавливались уже извѣстныя формы землевладѣнія, управленія и сословныхъ отношеній; вотъ объ этомъ и приходилось мнѣ немного говорить въ первомъ томѣ своего труда; но какъ г. рецензентъ вычислилъ, что болѣе трети моей книги посвящено быту, судить не берусь; по всей вѣроятности, сюда были включены и очерки внутренняго быта крымскихъ и ногайскихъ татаръ, которые были необходимы для уразумѣнія татарскихъ нападений и въ понятіе внутренняго быта русскаго окраиннаго населенія, конечно, не входятъ. Такіе очерки мы находимъ и въ книгѣ профессора Перетятковича (Поволжье въ XV и XVI вв.), посвященной исключительно исторіи колонизаціи (здѣсь, напримѣръ, есть отдѣльная рубрика о внутреннемъ бытѣ ногайскихъ татаръ, одобренная К. Н. Бестужевымъ-Рюминъ); въ другомъ сочиненіи того же автора (Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вв.) есть даже множество данныхъ, относящихся къ внутреннему быту мѣстнаго населенія (о вотчинной и помѣстной системѣ землевладѣнія, о распространеніи христіанства, о положеніи крестьянъ, о хозяйственномъ состояніи внородческихъ земель и т. п.). И это нисколько не удивительно; то же самое мы найдемъ и въ другихъ работахъ, посвященныхъ исторіи заселенія, напримѣръ, въ трудахъ профессора Ойрсова. Я съ своей стороны старался безъ крайней нужды не вносить въ первый томъ своего изслѣдованія ничего такого, что выходило изъ намѣченныхъ мною рамокъ; весь представленный мною матеріалъ можетъ быть подведенъ подъ слѣдующія основныя категоріи: 1) топографическія данныя, 2) свѣдѣнія объ оборонѣ и 3) свѣдѣнія о заселеніи края (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова); не думаю, чтобы книга моя выиграла, еслибъ я исключилъ 1-й или 2-й отдѣлы.

Имѣя въ своемъ распоряженіи весьма обширный матеріалъ, я естественно долженъ былъ позаботиться о наиболѣе удачной груп-

пировкѣ его. Мнѣ предстояло изучать исторію заселенія такой мѣстности, гдѣ столкнулись два колонизаціонныя теченія — сѣверное (великорусское) и западное (малорусское); мнѣ нужно было изучить основательно и то, и другое, опредѣлить ихъ характерныя особенности; и я поступилъ такъ, какъ поступаетъ политико-экономъ при изученіи сложныхъ явленій экономической жизни, — сталъ разсматривать одинъ процессъ отдѣльно отъ другаго; такой пріемъ казался мнѣ полезнымъ и удобнымъ при всевозможныхъ условіяхъ — и при большомъ, и при незначительномъ различіи одной колонизаціи отъ другой; во второмъ случаѣ даже пожалуй необходимѣе, чѣмъ въ первомъ. Этотъ пріемъ изслѣдованія заслужилъ одобреніе рецензента Харьковскаго Сборника, который говоритъ: „Удобства такого именно дѣленія очевидны: только благодаря ему и оказалось возможнымъ уловить важнѣйшія особенности той и другой колонизаціи, изъ коихъ каждая заслуживала одинаковаго вниманія со стороны изслѣдователя... Только благодаря этой системѣ изложенія, автору удалось съ честью выйти изъ затрудненія, совершенно уяснить для читателя общій характеръ колонизаціи“¹⁾. Прибавлю къ этому, что цѣлью своей работы я поставилъ не какія-нибудь общія этнографическія характеристики, а всестороннее фактическое документальное изученіе заселенія южной степной окраины; въ виду этого я старался исчерпать свой вопросъ въ предѣлахъ его источниковъ, и въ территоріальномъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Поэтому великорусскую колонизацію я изучалъ и въ предѣлахъ Слободской Украйны, обязанной своимъ заселеніемъ главнымъ образомъ малорусской колонизаціи, а малорусскую — въ предѣлахъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго краевъ, которые были заселены главнымъ образомъ великоруссами. Но такъ какъ захваченный мною періодъ времени оказался слишкомъ великъ (съ конца XVI до конца XVIII в.), то мнѣ пришлось раздѣлить его на двѣ части: 1) до Алексѣя Михайловича, 2) съ Алексѣя Михайловича до конца XVIII в.; въ этомъ дѣленіи нѣтъ ничего искусственнаго, такъ какъ со времени Алексѣя Мих. дѣйствительно начинается какъ бы новая эпоха въ исторіи заселенія южныхъ украинъ. Между тѣмъ это естественное дѣленіе моей книги на главы и осуждается именно г. П. Сказавъ, что 4-я глава моя посвящена русской государственной колонизаціи съ Алексѣя Михайловича, а 5-я — малорусской за то же время, критикъ продолжаетъ: „Уже изъ этого распредѣленія матеріала съ

¹⁾ Харь. Сборникъ на 1887 г., стр. 216—217.

перваго же взгляда становится ясно, что изслѣдователь долженъ неизбежно придти къ повтореніямъ и изложенію чисто отрывочному“. Почему мое распредѣленіе матеріала должно было привести къ отрывочному изложенію, я не знаю. Развѣ измѣнилась бы сущность дѣла, еслибъ я присоединилъ 4-ю къ 2-й, а 5-ю къ 3-й? Я желалъ дать обстоятельный историческій очеркъ русской колонизаціи съ конца XVI до конца XVIII вѣка и потому долженъ былъ останавливаться на фактической сторонѣ дѣла и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, и въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, хотя бы приемы и формы колонизаціоннаго процесса (на основаніи моего изложенія) оказались бы потомъ въ общихъ чертахъ и сходными. Другое дѣло, еслибъ я могъ сослаться на труды своихъ предшественниковъ; но такое удовольствіе выпадало на мою долю, къ сожалѣнію, очень рѣдко. Правда, г. П. говоритъ, что четыре страницы, посвященныя Голицынскимъ походамъ въ Крымъ, я заимствовалъ на половину изъ статьи г. А. Востокова, на половину изъ книги С. М. Соловьева, но это совершенно не вѣрно: двѣ страницы составлены мною непосредственно и самостоятельно по первоисточнику—дневнику П. Гордона ¹⁾, а двѣ другія посвящены разбору мнѣній и доказательствъ названныхъ авторовъ. Вообще я долженъ заявить, что не только главные, но и второстепенные эпизоды я старался излагать по первоисточникамъ. Это обстоятельство не осталось не отмѣченнымъ однимъ изъ критиковъ: „Нельзя указать“, говоритъ рецензентъ Харьк. Сборника,—„ни на одинъ вопросъ въ его книгѣ, который носилъ бы компилятивный характеръ; даже въ второстепенныхъ вопросахъ онъ основывается на источникахъ первой руки, только принимая во вниманіе существующія въ литературѣ мнѣнія“ ²⁾. Рецензенты Русской Мысли и Журн. Мин. Нар. Пр. ³⁾ ставятъ мнѣ, впрочемъ, въ вину и то обстоятельство, что я иногда широко пользуюсь извѣстными печатными источниками (записками Манштейна, барона Тотта, Ю. Крижанича и др.). Я право не понимаю, почему зазорно сослаться на общеизвѣстные источники; вѣдь, придерживаясь такой теоріи, нужно было бы признать ненужными подлинныя цитаты изъ лѣтописей и т. п.; вѣдь общеизвѣстные источники заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно и самыя важныя данныя и потому под-

¹⁾ Мои Очерки, стр. 292 и 293.

²⁾ Харьк. Сборникъ, стр. 215.

³⁾ Русск. Мысль, 1887 г. июль, стр. 407—408, Журн. М. Н. Пр. 1887 г., ноябрь, 135.

вергать ихъ за это какому-то остракизму едва ли справедливо. Занежь о полнотѣ матеріала, я не могъ не извлекать необходимыхъ для себя данныхъ и изъ общеизвѣстныхъ источниковъ; къ этому побуждало меня нѣкоторое чувство страха, что, пожалуй, меня станутъ упрекать въ томъ, что я недостаточно воспользовался матеріалами, заключающимися въ классическихъ, такъ сказать, источникахъ первой руки (у Ю. Крижанича, Манштейна, Герберштейна и т. п.). Весь вопросъ, по моему, заключается въ томъ, важно ли данное извѣстіе, и относится ли оно къ дѣлу. Въ этомъ отношеніи мои взгляды и взгляды г. П. расходятся. Мой критикъ находитъ, напримѣръ, что 4-я глава моего сочиненія заключаетъ въ себѣ много подробностей о неважныхъ эпизодахъ и мало—о весьма существенныхъ. Къ малозначущимъ эпизодамъ онъ относитъ, между прочимъ, описаніе постройки Украинской линіи, а къ важнымъ—походы кн. Голицына въ Крымъ. Я съ этимъ никоимъ образомъ не могу согласиться. Описаніе постройки и заселенія украинской линіи прямо непосредственно входитъ въ мою задачу. Украинская линія является такою же оборонительною чертою, какъ и Бѣлгородская, и заслуживала, конечно, такого же вниманія съ моей стороны, какъ и эта послѣдняя. Что же касается до Голицынскихъ походовъ, то они не имѣютъ прямого отношенія къ моему темѣ; они являются однимъ изъ эпизодовъ для уясненія идеи покоренія Крыма въ ея историческомъ развитіи. Рецензентъ, очевидно, примѣняетъ здѣсь неподходящую мѣрку; онъ оцѣниваетъ событія по степени ихъ общаго значенія, а не по важности для даннаго случая. Не удивительно такимъ образомъ, что онъ не замѣтилъ общей основной идеи, связывающей отдѣльные эпизоды въ 4-й главѣ моего изслѣдованія; не удивительно, что она представляется ему подборомъ, а не обработкой матеріала. Въ этой главѣ я сдѣлалъ попытку прослѣдить постепенное расширеніе нашей государственной границы къ югу въ связи съ движеніемъ великорусскаго населенія; постройка и заселеніе Бѣлгородской черты и Украинской линіи были важнѣйшими эпизодами этого дѣла. Изученіе общихъ условій, при которыхъ совершалось заселеніе края, должно было привести меня къ уясненію въ этомъ дѣлѣ роли татарскихъ нападений, а для того, чтобы рѣшить вопросъ, на сколько необходимы были тѣ громадныя средства, которыя затрачивало государство и общество на оборону края, я принужденъ былъ изучить и изложить попытки наступательной войны съ Крымомъ. Все это заканчивается обзоромъ культурной, хозяйственной дѣятельности правительства и монастырей и

черкомъ вольной народной великорусской колонизаціи. Спрашивается: въ чемъ заключается нестройность архитектуроники этой главы? Неужели здѣсь всѣ части соединены только механически, а не находятся другъ съ другомъ во внутренней логической связи? Неужели нужно было выбросить данныя о татарскихъ нападеніяхъ, ясно рисующія намъ условія заселенія края? Рецензентъ говоритъ, что въ каждой новой главѣ я повторяю то, что было высказано въ предыдущей; но это не вѣрно; возьмемъ, на примѣръ, хотя бы тѣ же татарскія нападенія, о которыхъ я говорю во 2-й и 4-й главахъ своей книги; во 2-й главѣ, на основаніи сказаній иностранцевъ, я даю общую характеристику татарскихъ набѣговъ на московскія украины въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка; въ 4-й на основаніи иныхъ уже источниковъ—документальныхъ данныхъ, я подробно изображаю опустошенія и грабежи, причиняемые татарами украинскому населенію во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Спрашивается: повтореніе ли это? Конечно, для легкой журнальной статьи можно было бы, не разбирая эпохъ, дать общую характеристику погромовъ, но такой приемъ едва ли удобенъ въ историческомъ изслѣдованіи областного характера, гдѣ рядомъ съ анализомъ фактовъ приходится давать исторію края. Этимъ и заканчиваются замѣчанія, относящіяся къ приемамъ моего изслѣдованія, и начинаются возраженія по существу.

Переходимъ къ самому существенному вопросу, поднятому рецензентомъ Русской Мысли:—на сколько справедливы мои общія заключенія о характерѣ великорусской и малорусской колонизаціи въ предѣлахъ южной степной окраины Московскаго государства? Въ этомъ пунктѣ рецензентъ Русской Мысли кореннымъ образомъ расходится со мною; онъ представляетъ рядъ соображеній и фактовъ въ опроверженіе моего мнѣнія о государственномъ характерѣ великорусской колонизаціи на югѣ. По его мнѣнію, „нельзя, конечно, отрицать разницы въ положеніи великорусскаго и малорусскаго населенія. У втораго была своя организація, оно являлось массами съ своими установившимися связями, за нимъ московское правительство ухаживало, чтобъ оно опять не ушло за Днѣпръ; оно, наконецъ, селилось за чертой московскихъ сообщеній и уже поэтому должно было быть самостоятельнѣе; но все это еще не даетъ права находить существенное различіе въ процессѣ колонизаціи великорусской и малорусской.. самая постановка вопроса о государственной или народной колонизаціи черезъ-чуръ груба для изслѣдуемаго пред-

мета“¹⁾). Итакъ, рецензентъ, находитъ разницу въ одной и другой колонизаціи, но не признаетъ ее существенною, не считаетъ возможнымъ даже ставить вопроса о государственномъ или народномъ характерѣ колонизаціи. На чемъ же основанъ этотъ выводъ? Опровергаются ли мои доводы и доказывается ли фактами противоположное заключеніе? Мы должны, къ сожалѣнію, заявить, что рецензентъ не проявилъ той осторожности въ выводахъ (при скудости матеріаловъ), въ отсутствіи которой онъ упрекаетъ меня: его выводы гораздо шире приводимыхъ имъ фактовъ и соображеній. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи всѣхъ бывшихъ въ моемъ распоряженіи данныхъ я сдѣлалъ выводъ о преобладающемъ значеніи государственной великорусской колонизаціи; параллельно съ нею я отмѣтилъ и вольную народную, для чего добросовѣстно, по крупицамъ, выбиралъ изъ разныхъ источниковъ разрозненныя указанія на нее; все это остается непровергнутымъ, вѣроятно потому, что опирается на множество разнообразныхъ документальныхъ данныхъ. Всякое свое положеніе о роли государства въ томъ или иномъ отношеніи я подтверждалъ, иллюстрировалъ и развивалъ на многихъ десяткахъ страницъ своей книги; скажу болѣе: положенія эти вытекаютъ, какъ прямое, логическое слѣдствіе изъ детальнаго подробнаго разсмотрѣнія колонизаціоннаго процесса на окраинахъ. Мало того, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и цѣлая серія новыхъ документовъ, найденная мною уже послѣ отпечатанія книги въ архивѣ министерства юстиціи. Это несомнѣнно самый важный источникъ для исторіи колонизаціи — такъ-называемыя строельныя книги городовъ Валукъ (1599 г.), Усерда (1637 г.), Хотмышка (1640 г.), Орлова (1646 г.), Карпова (1648 г.), Царева-Алексѣева (1651 г.). Онѣ заключаютъ въ себѣ множество подробностей о постройкѣ и первоначальномъ заселеніи этихъ городовъ; все то, что я нашелъ въ этихъ книгахъ, не только не противорѣчитъ моимъ выводамъ о строительной дѣятельности правительства, а на оборотъ подтверждаетъ и дополняетъ ихъ; изъ нихъ ясно видно, что „сведенцы“ составляли господствующую группу во вновь построенныхъ городахъ; „Досмотръ Калміускаго, Изюмскаго и Муравскаго шляховъ“ 1637 г. съ поразительными подробностями возстановляетъ намъ картину топографическихъ рекогносцировокъ, которыя дѣлало центральное правительство для изученія степей съ цѣлью устройства на нихъ укрѣпленій. Къ сожалѣнію, мы не можемъ вос-

¹⁾ *Русская Мысль* 1887 г., июль, стр. 406, 407.

пользоваться здѣсь этимъ важнымъ источникомъ, потому что статья наша приняла бы большіе размѣры, но скоро издадимъ его во 2-мъ томѣ своихъ „Матеріаловъ“. Центральное правительство слѣдило (въ особенности со второй половины XVII вѣка) за самыми мелкими, ничтожными мѣропріятіями, касавшимися украинской территоріи или населенія; чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только изучить документы, касающіеся украинскаго (четвертнаго) землевладѣнія и управленія. Въ первомъ томѣ своего труда я совсѣмъ почти не касался этихъ сторонъ быта; но стоитъ только познакомиться съ относящимися сюда актами (напечатанными хотя бы въ сборникахъ Де-Пуле или Л. Б. Вейнберга), чтобъ убѣдиться, что правительство оказывало такое же вліяніе и на бытъ великорусскихъ украинцевъ, какъ и на ихъ расселеніе; и это понятно: одно стояло въ прямой непосредственной связи съ другимъ. Оправдывается такая мысль не только документальными данными, но и общимъ историческимъ соображеніемъ, что Московское государство XVII вѣка сильно развило государственную идею на счетъ личности, индивидуума; не удивительно такимъ образомъ, что и въ степной окраинѣ своей, не выходящей изъ непосредственныхъ географическихъ предѣловъ его, оно стремилось постоянно усилить и проявлять свое вліяніе, тѣмъ болѣе, что оборона этой окраины, а слѣдовательно и тѣсно связанная съ нею колонизація, входили въ сферу прямыхъ государственныхъ интересовъ. Не будемъ приводить другихъ доказательствъ; мы свое дѣло сдѣлали; нашимъ противникамъ нужно опровергнуть наши факты и доводы; этого пока они не только не сдѣлали, но даже и не пытались сдѣлать. Да и самый вопросъ они ставятъ иначе. Рецензентъ Русской Мысли пытается доказать, что вольная народная колонизація великорусская отличалась болѣе широкими размѣрами, чѣмъ государственная, и по существу ничѣмъ не отличалась отъ малорусской. Самый естественный способъ доказательства этого мнѣнія долженъ былъ бы быть такой. Рецензенту нужно было бы привести столько новыхъ фактовъ и доводовъ, чтобъ имѣть право сдѣлать заключеніе о преобладаніи народной колонизаціи надъ государственною. Тогда я дѣйствительно принужденъ былъ бы отказаться отъ своего тезиса о преобладаніи государственной колонизаціи надъ народною. Каковы же дѣйствительныя доказательства рецензента Русской Мысли? Главнымъ аргументомъ являются для него указанные мною же самимъ пробѣлы въ источникахъ; онъ приводитъ мои заявленія и пользуется ими для того, чтобъ опровергнуть мое замѣча-

часть сслѣдств., отд. 2.

ніе о важномъ значеніи государственнаго элемента въ великорусской колонизаціи. Но это плохой пріемъ — довольствоваться указаніемъ (и притомъ сдѣланнымъ самимъ авторомъ) на то, чего нѣтъ и совершенно игнорировать то, что есть. Кромѣ того, нужно оцѣнить настоящимъ образомъ мои заявленія, нужно сдѣлать изъ нихъ настоящіе выводы. Въ одномъ изъ нихъ говорится о пробѣлахъ въ источникахъ для характеристики государственной колонизаціи, а въ двухъ другихъ о такихъ же пробѣлахъ относительно народной; значить, пробѣлъ есть и въ одной, и въ другой (стр. 368—369, 377). Говоря о пробѣлахъ, я имѣлъ въ виду не столько опредѣленіе размѣровъ колонизаціи, сколько указаніе ея формъ, общій характеръ, подробность порядковъ и т. п. Это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ, которыя не отмѣчены рецензентомъ: „И печатные матеріалы (а таковыми являются официальные акты и грамоты)“, говорю я въ своей книгѣ, — „и архивные документы преимущественно намъ говорятъ о дѣятельности правительства или его непосредственныхъ органовъ; а все то, что не было регламентировано или санкціонировано имъ, естественно, и не попало въ официальные столбцы и книги; сюда даже не попадали и такіе факты, которые являлись исключительнымъ, такъ сказать, выраженіемъ мѣстной жизни... Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ упускать изъ виду указаннаго мною выше обстоятельства, что вольная народная великорусская колонизація не можетъ быть разъяснена и изображена съ достаточною полнотою, потому что для этого нѣтъ источниковъ“. Мы хотѣли сказать, что, не смотря на самыя тщательные поиски въ архивахъ, едва ли удастся намъ изложить такъ подробно и обстоятельно процессъ народной великорусской колонизаціи, какъ это можно сдѣлать относительно государственной.

Хотѣлось бы намъ ошибаться въ своемъ предположеніи; хотѣлось бы намъ найти такія же данныя для всесторонняго изученія причинъ народнаго великорусскаго движенія къ югу, его размѣровъ, хода и результатовъ, какія сохранились объ аналогичномъ движеніи малорусскомъ; но едва ли это удастся. Южнорусское народное движеніе отмѣчено въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ, — казачьихъ лѣтописяхъ и актахъ, польскихъ мемуарахъ и грамотахъ московскихъ, архивныхъ книгахъ и столбцахъ, — между прочимъ потому, что оно имѣло важное политическое значеніе, чего нельзя сказать о народной великорусской колонизаціи; эта послѣдняя не рѣдко (мы разумѣемъ поселки, основываемыя бѣглецами) проявлялась въ такихъ формахъ, которыхъ и не могло знать правительство, ибо не призна-

вало ихъ законными и даже (хотя далеко не всегда успѣшно) боро-лось съ ними. Вотъ о какихъ пробѣлахъ въ матеріалахъ говоримъ мы. Размѣры этой вольной народной великорусской колонизаціи были болѣе значительны, чѣмъ можно было констатировать намъ на осно-ваніи всего наличнаго матеріала; мы сдѣлали болѣе широкое заклю-ченіе, чѣмъ позволяли намъ факты именно потому, что свѣдѣнія о ней не всегда могли попасть въ документы; но едва ли она могла получить здѣсь такое широкое развитіе (по крайней мѣрѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ), какое имѣла государственная колонизація. Въ какихъ формахъ проявлялась колонизація въ то время, намъ извѣстно: она выражалась первоначально въ устройствѣ станицъ и сторожъ, а затѣмъ въ постройкѣ городовъ, въ основаніи селеній; и вотъ во всемъ этомъ правительство, какъ доказано нами, играло ру-ководящую роль; мало того, то же правительство насаждало и сель-ско-хозяйственную культуру въ степяхъ; не говоримъ уже о томъ, что оно создало цѣлую систему оборонительныхъ мѣръ и дало орга-низацію громадному количеству служилаго украинскаго населенія. Можно только, пожалуй, сомнѣваться относительно способа основа-нія селеній—не являются ли они въ большинствѣ случаевъ продук-томъ вольной народной колонизаціи? Но едва ли это такъ. Уже въ концѣ XVIII в., когда Воронежскій край перешелъ на мирное поло-женіе и здѣсь появилось множество мирныхъ поселенцевъ, процент-ное отношеніе однодворцевъ, то-есть, потомковъ прежнихъ служилыхъ людей къ другимъ группамъ населенія, было таково: однодворцевъ было 289,374 человекъ, помѣщичьихъ великорусскихъ крестьянъ—167,565, малорусскихъ подданныхъ—115,140 человекъ. Эти послѣд-ніе, конечно, должны быть исключены изъ нашего счета, такъ какъ къ великорусской колонизаціи они отношенія не имѣютъ; въ такомъ случаѣ окажется, что однодворцевъ было чуть ли не въ два раза бо-лѣе, чѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ; но затѣмъ является вопросъ: на сколько крѣпостные крестьяне были вольными колонистами? Высокая цифра однодворческаго населенія стоитъ въ прямой есте-ственной связи съ многочисленностью однодворческихъ селеній, о ко-торой свидѣтельствуетъ Германовъ, прослѣдившій постепенное распре-дѣленіе этого населенія въ предѣлахъ Воронежской губерніи. Въ сѣверныхъ и западныхъ уѣздахъ Воронежской губерніи они состав-ляютъ преобладающую группу поселковъ. Объ образованіи ихъ Гер-мановъ выражается такъ: „Первоначальное разселеніе служилыхъ людей, отъ которыхъ произошли однодворцы, какъ по другимъ по-

граничнымъ областямъ Россіи, такъ и по Воронежскому краю, обуславливалось не ихъ собственнымъ произволомъ, а тѣми цѣдями, какихъ посредствомъ нихъ надѣялось достигнуть правительство“¹⁾). Итакъ, если однодворцевъ въ началѣ XVIII в. было больше, чѣмъ представителей другихъ сословій, то и въ XVII в., когда военные интересы стояли на первомъ планѣ и всякій обыватель долженъ былъ быть воиномъ, они должны были составлять преобладающую группу населенія. Очень можетъ быть, что были въ Воронежскомъ краѣ въ XVII в. мѣстности, гдѣ число крестьянъ было очень велико (на одну изъ нихъ указалъ профессоръ В. О. Ключевскій), но онѣ не нарушаютъ высказаннаго нами общаго положенія о преобладаніи служилыхъ людей надъ житецкими. Конечно, если однодворца XVII в. считать крестьяниномъ, тогда вовсе почти не окажется въ Воронежскомъ и Бѣлгородскомъ краѣ служилыхъ людей; но едва ли такое отождествленіе можетъ быть допущено: однодворецъ, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе служилый человекъ, чѣмъ крестьянинъ, а не на оборотъ.

Не ограничиваясь, впрочемъ, указанными мною самимъ пробѣлами въ источникахъ, рецензентъ Русской Мысли припоминаетъ еще тѣ, которые отмѣчены были на диспутѣ профессоромъ В. О. Ключевскимъ, а также указываетъ на нѣкоторые пропуски и самъ. Слѣдуетъ остановиться и на нихъ. Профессоръ В. О. Ключевскій указалъ мнѣ на три источника, которые заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о народной великорусской колонизаціи: а) Рукописная повѣсть о градѣ Курскѣ; б) Разрядныя (изданныя) книги; в) Писцовыя книги (неизданныя). Я тогда же принесъ почтенному профессору и ученому, признанному знатоку московскаго періода нашей исторіи, глубокую благодарность за сдѣланныя имъ указанія и рѣшилъ воспользоваться ими для своихъ дальнѣйшихъ занятій. Признаюсь, хотя у меня и была въ рукахъ печатная „Повѣсть о градѣ Курскѣ“, но я ей не придавалъ особеннаго значенія, и такъ какъ В. О. Ключевскій ссылался на рукописные списки, то я и рѣшилъ при случаѣ познакомиться и съ ними; узнавъ, что въ библиотекѣ покойнаго графа А. С. Уварова хранится списокъ этой повѣсти XVII в., я отправился въ с. Порѣчье, нашелъ здѣсь нѣсколько (3) списковъ, изучилъ ихъ и пришелъ къ заключенію²⁾, что источникъ этотъ не противорѣчитъ

¹⁾ *Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, кн. XII, стр. 215.

²⁾ См. объ этой рукописи мою статью въ Памятной книжкѣ изд. Курскаго Губ. Стат. Комитета; въ ней излагается содержаніе „Повѣсти“.

моему мнѣнію, а скорѣе подтверждаетъ его. По интересующему насъ вопросу тамъ есть два извѣстія—первое о состояніи курской области послѣ Батыева нашествія, второе—о началѣ города Курска. „Въ то же время“, читаемъ мы тамъ,—„и сему граду Курску пленену и до основанія разорену сущу бывшу и оттолѣ многіе годы пребывая пустѣя и отъ многихъ лѣтъ заустѣнія положеніе того града Курска и уѣздъ велимъ древесемъ поростоша и многимъ звѣремъ обиталище быша. И отъ отстоящихъ близъ того положенія града Курска и 3 градовъ изъ Рыльска и иныхъ въ тѣхъ мѣstechъ идѣже бѣ положеніе и уѣздъ творяху людіе хожденіе прибытка ради своего звѣрей и меда“. Одинъ изъ промышленниковъ увидѣлъ въ урочищѣ у рѣки Тускори образъ, къ которому стали стекаться и получать исцѣленіе и другіе. Отсюда видно, что другая Курская область не заустѣбла окончательно послѣ Батыева нашествія, а сохранила небольшіе остатки прежняго населенія; не то же ли самое утверждалъ я на стр. 63—65 своихъ „Очерковъ?“ Но можно ли изъ этого отрывка сдѣлать заключеніе, что народная великорусская колонизація въ курскомъ краѣ въ XVI—XVII вв. предшествовала государственной? Едва ли. А вотъ другой отрывокъ: „И не хотя сего чудотворнаго Богородичнаго образа въ тамо странѣ сущей безъ прославленія оставить, царь Феодоръ Иоанновичъ повелѣша отъ древнихъ лѣтъ заустѣнія отъ богомерзкаго царя Батяя преданный градъ обновити и множествомъ людей населити и вскорѣ и восхотѣ сотворити: во 105 году (то-есть, въ 1597 г.) на Курскомъ прежнемъ городищѣ повелѣвъ градъ устроить и нареши его по прежде именованному Курскъ и изъ окрестныхъ тамо градовъ многими обитатели пополнити повелѣ и, по наполненіи бѣ въ семь градъ и уѣздъ живущихъ множество и всякихъ отъ земныхъ плодовъ и инымъ къ благовоспріятію человѣческому довольствомъ исполненъ и слышавше о семь градѣ въ окрестныхъ градѣхъ, яко всякимъ благимъ изобиліемъ и хлѣбомъ и звѣремъ и медомъ исполненъ изъ оныхъ городовъ въ оное множество идяху и селеніе творяху“. Отсюда видно, что заселеніе Курскаго уѣзда началось только съ построеніемъ Курска въ 1597 г.; военная городская колонизація и здѣсь предшествовала крестьянской, деревенской.

Что касается Разрядныхъ книгъ, то признаюсь, и въ настоящее время я не вижу въ нихъ прямыхъ указаній на вольную народную великорусскую колонизацію; и конечно, изъ этого еще никоимъ образомъ не слѣдуетъ заключать, какъ дѣлаютъ мои оппоненты, чтобъ

я „непростительно игнорировалъ ихъ“; въ моемъ изслѣдованіи есть не мало ссылокъ на эти книги, притомъ по поводу самыхъ мелочныхъ фактовъ, напримѣръ, по вопросу о мѣстожительствѣ черкасъ въ началѣ XVII в.; но что же дѣлать, если я не хотѣлъ создавать гипотезы о той связи, которая будто бы существовала между движеніемъ населенія къ югу и передвиженіемъ военныхъ полковъ?

Иное дѣло—Писцовыя книги; онѣ дѣйствительно заключаютъ въ себѣ множество данныхъ для исторіи южной степной окраины. Но и здѣсь возраженія моихъ оппонентовъ могутъ быть приняты только отчасти. На пробѣлѣ въ этихъ матеріалахъ указалъ я самъ (на стр. 69 своего труда; воспользоваться ими въ желанныхъ размѣрахъ для перваго тома своихъ „Очерковъ“, я, къ сожалѣнію, не могъ. Подвергнуть изученію всѣ писцовыя книги, относившіяся къ Курскому и Воронежскому краю, едва ли было возможно. Достаточно сказать, что къ одной Курской губерніи относится 43 полныхъ и неполныхъ писцовыхъ книги, да 9 къ Воронежской (мы не касаемся вовсе еще Елецкаго уѣзда, для котораго есть около 30 книгъ). Обстоятельное изученіе всего этого матеріала я рѣшилъ отложить до 2-го тома „Очерковъ“, такъ какъ онъ будетъ посвященъ тѣмъ вопросамъ, для которыхъ имѣется больше всего данныхъ въ писцовыхъ книгахъ (для исторіи землевладѣнія, управленія, сословныхъ отношеній). Этими новыми данными я и рассчитываю пополнить наиболѣе бѣдную по содержанію 2-ю главу своего изслѣдованія или въ видѣ отдѣльной статьи, или во 2-мъ томѣ своего труда; тамъ я постараюсь представить картину сельскаго, деревенскаго быта въ связи съ статистическими данными о заселеніи края въ разные періоды его исторической жизни.

Для того, чтобы осуществить поскорѣе эту мысль, я вошелъ съ представленіемъ въ Курскій губернской статистической комитетъ объ изданіи имъ, подъ моею редакціей, писцовыхъ книгъ, относящихся къ Курской губерніи, и представилъ по этому поводу подробную мотивированную записку, напечатанную комитетомъ¹⁾. Съ такимъ же предложеніемъ я вошелъ и въ Воронежскій статистическій комитетъ. Подобную мысль еще раньше я развивалъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ. Однимъ словомъ, я дѣлалъ все возможное, чтобы писцовыя книги Курскаго и Воронежскаго края

¹⁾ „О необходимости изученія Курской губерніи въ историческомъ географическомъ отношеніи“. Въ Памятн. книжкѣ Курск. губерніи за 1888 г.

могли послужить матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій и выводовъ. Нельзя даже сказать, чтобъ и раньше я игнорировалъ этотъ матеріалъ; въ моемъ изслѣдованіи читатель найдетъ не мало указаній на печатные и архивные документы этого рода; для примѣра только укажемъ хотя бы на рукописную писцовую книгу Бѣлгородскаго уѣзда, на рукописныя переписныя книги Чугуевского, Вольновскаго уѣздовъ и т. д. Что касается городовъ, то для нихъ мы имѣли такіе документы, которые совершенно замѣняли намъ писцовыя книги въ узкомъ смыслѣ этого слова (III-е отдѣленіе архива министерства юстиціи); таковы напечатанныя въ моихъ „Матеріалахъ“ отрывки изъ отказныхъ книгъ Бѣлгородской губерніи, подлинныхъ межевыхъ книгъ, книгъ разныхъ городовъ и т. п. Спросимъ послѣ всего этого: справедливо ли ставить вопросъ о „непростительномъ игнорированіи“ мною писцовыхъ книгъ? Мало того, писцовыя книги Бѣлгородскаго, Вольновскаго и Чугуевского уѣздовъ, — и это для насъ всего важнѣе, — дали намъ возможность сдѣлать выводъ, что жители большинства селеній ничѣмъ почти не отличались отъ тѣхъ служилыхъ людей, которыхъ мы видѣли въ городахъ. Можетъ быть, въ какихъ-нибудь книгахъ, еще не изученныхъ нами, окажется и обратное отношеніе, но оно не нарушитъ общаго нашего вывода, такъ какъ его подтверждаетъ конечный результатъ колонизаціи Курскаго и Воронежскаго края, выраженный въ точныхъ статистическихъ цифрахъ (на него мы указывали равнѣе):

Независимо отъ указаній на пробѣлы, отмѣченные проф. В. О. Ключевскимъ, рецензентъ Русской Мысли дѣлаетъ и свои собственные; такъ онъ цитируетъ географическій словарь 1788 г., гдѣ приведено процентное отношеніе въ Курскомъ краѣ помѣщичьихъ крестьянъ къ удѣльнымъ и экономическимъ (у меня показано только общее количество ихъ) и одинъ документъ изъ Полнаго Собранія Законовъ; этотъ послѣдній мнѣ хорошо извѣстенъ, равно какъ и многіе другіе, относящіеся къ исторіи землевладѣнія, управления и сословныхъ отношеній въ южной степной украинѣ; я проработалъ 16 первыхъ томовъ Полнаго Собранія Законовъ и извлекъ оттуда все, что войдетъ во 2-й томъ „Очерковъ“; для описанія Бѣлгородской черты у меня было слишкомъ много данныхъ въ другихъ источникахъ, и я не хотѣлъ уже вводить новыхъ, тѣмъ болѣе, что документъ, помѣщенный въ 1-мъ томѣ П. С. З. подъ № 522 (отъ 21-го іюня 1672 г.), не заключаетъ въ себѣ никакихъ оригинальныхъ, новыхъ дополнительныхъ данныхъ (сравнительно съ подробнѣйшимъ

описаніемъ этой черты въ т. IX Дополненій къ Акт. Ист., которымъ я пользовался); любопытны извѣстія его о землевладѣніи, но они не входили въ мою задачу. Такимъ образомъ, дѣйствительно новымъ для меня является только первое указаніе моего рецензента. Но это болѣе чѣмъ скромное дополнение „пробѣловъ“ г. критикъ цѣнить черезчуръ дорого. Изъ двухъ своихъ дополненій онъ сдѣлалъ и два очень широкіе вывода: изъ перваго (и только его одного) — что я вообще склоненъ считать неизвѣстнымъ то, что неизвѣстно лично мнѣ, а изъ втораго (которое мнѣ оказалось хорошо извѣстнымъ) — что и въ пользованіи печатнымъ матеріаломъ относительно великорусской колонизаціи у меня встрѣчаются пробѣлы. Такая дорогая оцѣнка своихъ дополненій представляется мнѣ, вопервыхъ, нѣсколько нескромною, а вовторыхъ, стоящею въ противорѣчій съ заявленіемъ самого рецензента, что „пробѣлы въ матеріалѣ обязываютъ къ осторожности въ выводахъ“. Кто же въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ обобщенія на основаніи одного факта?

Таковы собственныя дополненія рецензента. Конечно, всѣхъ этихъ дополненій оказалось мало, и потому рецензентъ рѣшился пополнить ихъ еще доводами и соображеніями. Не рассчитывая разбить фактическими данными мои положенія, онъ заявляетъ, что я не могъ вѣрно опредѣлить великорусскую колонизацію потому, что наблюдалъ ее съ окраинъ, а не центра, и потому главнымъ образомъ интересуюсь малорусскою колонизаціей. „Центръ тяжести его изслѣдованія“, говоритъ онъ, — „лежитъ въ малорусскихъ областяхъ; онъ знаетъ здѣсь очень хорошо не только самый фактъ малорусскаго движенія, но и его, такъ сказать, закулисную сторону... Великорусскія области, напротивъ, являются постороннею прибавкою къ его изслѣдованію и, естественно, что онъ не видитъ народнаго движенія, скудно, но все же достаточно освѣщеннаго источниками здѣсь, въ избранной авторомъ мѣстности, потому что не знаетъ начала этого движенія, очень хорошо виднаго наблюдателю, начинающему слѣдить за нимъ изъ центра“¹⁾. Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что рецензентъ не изобразилъ намъ „хорошо виднаго“ ему начала этого народнаго движенія; мы и, по всей вѣроятности, всѣ, интересующіеся вопросомъ о русской колонизаціи, принесли бы ему за это глубокую благодарность; я лично не могъ принять на себя такую задачу по той простой причинѣ, что она вывела бы меня далеко за предѣлы изучае-

¹⁾ *Русская Мысль* 1887 г., іюнь, стр. 406.

мой мной территоріи, гдѣ я не чувствовалъ бы подъ ногами твердой почвы; признавая законность и даже необходимость изученія начала колонизаціоннаго движенія нашего къ югу, я думаю, что для этого необходимо самостоятельное изученіе заселенія Тульской, Орловской, Тамбовской и Слободской губерній—благодарная задача для новаго труда; а мнѣ же на диспутѣ въ одно и то же время ставили въ вину широту темы и укоряли за то, что я началъ исторію великорусской колонизаціи съ позднѣйшаго времени, то-есть, за узкость ея. Но что вышло бы, еслибъ я расширилъ еще свою задачу и началъ связно излагать исторію заселенія окраинъ не съ начала XVII вѣка, а съ начала XVI вѣка? Не говорю уже о томъ, что не извѣстно еще, къ какимъ результатамъ привело бы специальное изученіе начала колонизаціоннаго процесса. (напримѣръ, на Тульской засѣкѣ); быть можетъ, мы тамъ вовсе не открыли бы того народнаго движенія, о которомъ говорить г. рецензентъ; во всякомъ случаѣ это есть еще вопросъ, который въ настоящее время не разрѣшенъ.

Мы не можемъ не выразить изумленія, почему рецензентъ высказалъ одно голословное мнѣніе, не подкрѣпленное никакими доказательствами (идущее притомъ въ разрѣзъ съ моимъ собственнымъ заявленіемъ, подтвержденнымъ рецензентомъ Ж. М. Н. Пр.) и не представилъ намъ этого „хорошо виднаго ему съ центра народнаго движенія“ ¹⁾. Вѣдь тогда мнѣ только оставалось бы согласиться съ нимъ; теперь же съ полнымъ правомъ я остаюсь при своемъ мнѣніи.

Мой критикъ говоритъ, что я впалъ въ данномъ случаѣ въ нѣкоторый оптический обманъ. Я же склоненъ думать, что самъ онъ говоритъ это потому, что не можетъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ традиціонныхъ взглядовъ на характеръ великорусской колонизаціи. Взгляды эти могутъ быть и справедливы, но только въ примѣненіи къ инымъ мѣстностямъ; между тѣмъ теперь они неосторожно выска-

---

¹⁾ „Эта народная колонизація“, говорю я въ предисловіи,—„въ этнографическомъ отношеніи дѣлится на два вида—великорусскій и малорусскій. Я съ одинаковымъ вниманіемъ безъ всякихъ предвзятыхъ теорій, симпатій или антипатій изучалъ ту и другую“... „Мы находимъ эту оговорку этого почтеннаго автора“, замѣчаетъ по этому поводу г. П., — „совершенно излишнею. Предметъ избранннй имъ для изслѣдованія, исторія заселенія нашего южнаго степнаго пространства, самъ по себѣ уже вынуждаетъ автора къ объективности, потому что безпристрастный изслѣдователь не можетъ въ данномъ случаѣ стать ни на сторону малорусской, ни великорусской народности“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887 г., ноябрь, стр. 136).

зываются рецензентомъ о томъ краѣ, который имѣетъ своеобразныя особенности. Уже одни апріорныя соображенія должны были привести рецензента къ иному взгляду. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимая ли вещь, чтобы въ томъ краѣ, гдѣ всякую пядь земли, отходившую отъ „дикаго поля“, приходилось отстаивать оружіемъ, выдвигался впередъ не военный, не служилый человѣкъ, а крестьянинъ? Возможно ли допустить, чтобы на этихъ татарскихъ шляхахъ и перелазгахъ села и деревни устроились раньше острожковъ и укрѣпленныхъ городовъ? Это противорѣчило бы и исторической дѣйствительности, и исторической вѣроятности, этого высшаго критериума исторической критики.

Еще болѣе слабымъ является послѣднее доказательство рецензента. Онъ самъ, какъ мы видѣли, признаетъ нѣкоторую разницу въ положеніи великорусскаго и малорусскаго населенія; онъ самъ находитъ, что послѣднее было самостоятельнѣе. Я высказываю то же самое; по моему мнѣнію, „центральное правительство въ дѣлѣ малорусской колонизаціи за собою оставило высшее руководство и сферу государственныхъ интересовъ“. Расходимся же мы только въ размѣрахъ этого вліянія государства на колонизацію. И что же? Допустивъ самъ разницу въ великорусской и малорусской колонизаціи, рецензентъ потомъ ставитъ мнѣ въ вину то обстоятельство, что я не отождествляю ихъ, что я указываю, на примѣръ, разницу между великорусскими и малорусскими вольными колонистами, между великорусскимъ помѣстнымъ и малорусскимъ старозаимочнымъ землевладѣніемъ, между способомъ постройки великорусскихъ и малорусскихъ городовъ ¹⁾. Неужели рецензентъ не знаетъ, что одинаковыя по названію явленія у разныхъ народовъ и даже у одного и того же народа въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ отличаются нерѣдко существенными особенностями? Въ примѣръ возьмемъ хотя бы понятіе объ общинѣ: какой разнообразный далеко не одинаковый матеріалъ вкладывается въ это понятіе, въ зависимости отъ того, будемъ ли мы имѣть въ виду Россію, Англію, Испанію и т. п.! Мало того, неужели вновь открытая нѣкоторыми изслѣдователями малорусская община должна быть тождественна съ великорусскою, когда и эта послѣдняя представляетъ нерѣдко существенно важныя особенности и оттѣнки?

То же самое нужно сказать и о приведенныхъ рецензентомъ примѣрахъ. Между великорусскими и малорусскими вольными колонистами

¹⁾ Русск. Мысль 1887 г., июль, стр. 405—406.

существовала та разница, что первые всѣ безъ исключенія пользовались правомъ вольнаго передвиженія; крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, вовсе не было въ Слободской Украинѣ въ тотъ періодъ времени, который мы разсматриваемъ въ своей книгѣ; между тѣмъ вторые состояли только отчасти изъ переселенцевъ, пользовавшихся правомъ вольнаго перехода (ихъ не могло быть много при тогдашнемъ строѣ Московскаго государства), а въ большинствѣ случаевъ—изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, солдатъ и т. п., которыхъ правительство старалось возвращать къ прежнимъ владѣльцамъ; конечно, это должно было отразиться извѣстнымъ образомъ и на размѣрахъ того и другаго движенія; переселенія малороссіянъ на южныя украины правительство поощряло, переселенія бѣглыхъ преслѣдовало, возникновенію малорусскихъ слободъ покровительствовало; законнаго существованія великорусскихъ селеній, основанныхъ бѣглыми, не признавало, а иногда даже прямо уничтожало ихъ; давая разрѣшеніе осадчимъ на устройство городовъ и слободъ, оно предоставляло малорусскимъ переселенцамъ значительныя льготы, а великорусскимъ запрещало принимать. Конечно, у правительства были на это свои резоны; оно и не могло не оказывать льготъ переселенцамъ изъ сосѣдняго государства, которые заселяли его украины, оберегали границы; оно дорожило ими, какъ прекраснымъ матеріаломъ для колонизаціи. Совсѣмъ иначе оно должно было смотрѣть на своихъ подданныхъ, обитателей центральныхъ областей; даже тѣ, которые уходили отсюда по праву, отбывали этимъ самымъ отъ государева тягла; о бѣглыхъ нечего и говорить: они прямо нарушали матеріальные интересы частныхъ лицъ и цѣлыхъ сословій; а государство стояло на стражѣ этихъ интересовъ; если „подходилъ подъ высокую государеву руку“ малороссіянинъ, то этимъ оно нарушало интересъ чужаго (не рѣдко враждебнаго) государства; но если убѣгали крѣпостной крестьянинъ и „обѣлялся“, такъ сказать, на Украинѣ или Дону, то центральному правительству это было весьма непріятно; оно предпринимало иногда очень рѣшительныя мѣры для водворенія этихъ лицъ у прежнихъ владѣльцевъ; припомнимъ, что одна изъ такихъ мѣръ, при Петрѣ Великомъ—выводъ княземъ Ю. Долгорукимъ изъ донскихъ станицъ нѣсколькихъ тысячъ бѣглыхъ—вызвала извѣстный Булавинскій бунтъ.

Существовала также несомнѣнная разница между великорусскою и малорусскою займой, какъ однимъ изъ способовъ возникновенія поземельной собственности. Среди однодворцевъ могли существо-

вать заимки въ родѣ указанной въ нашей книгѣ; мы прямо признали разказъ современныхъ старожиловъ объ образованіи заимочнымъ способомъ деревни Саморядовой правдоподобнымъ; но какова же эта заимка? Саморядовцы должны были вести открытую войну со своими сосѣдями, пока не отбили себѣ земли; очевидно, въ данномъ случаѣ идетъ дѣло о заимкѣ въ смыслѣ захвата. Малорусская заимка, на оборотъ, является народнымъ обычаемъ, освященнымъ и прямо утвержденнымъ жалованными монаршими грамотами, слѣдовательно, приобрѣвшими юридическую силу и значеніе. Къ сожалѣнію, рецензенту, по всей вѣроятности, остались неизвѣстны относящіяся къ этому вопросу работы гг. Шиманова, Гурова и др. Наконецъ, въ моей книгѣ рецензентъ могъ бы найти фактическія данныя, указывающія на разницу въ постройкѣ великорусскихъ городовъ, напримѣръ, по Бѣлгородской чертѣ и малорусскихъ въ предѣлахъ Слободской Украины: первые всегда строились по инициативѣ и на счетъ правительства, а вторые—нерѣдко самими черкесами, только при нѣкоторой субсидіи отъ казны (Мои „Очерки“, стр. 475 — 476). Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькую оговорку: говоря о разницѣ между великорусскою и малорусскою колонизаціей, я ей не придаю этнографическаго характера; мой выводъ относится только къ изученному мною краю; въ другихъ мѣстахъ могло быть (и дѣйствительно бывало) иначе. Общій же широкій выводъ можетъ быть сдѣланъ только тогда, когда изучена будетъ исторія заселенія всѣхъ важнѣйшихъ областей нашего отечества.

Послѣ такого подробнаго разбора и опроверженій доказательствъ рецензента Русской Мысли мы, надѣемся, имѣемъ полное право остаться при томъ взглядѣ на великорусскую колонизацію, который высказанъ въ нашемъ изслѣдованіи. Не заставляетъ насъ отступить или модифицировать его и рецензентъ Ж. М. Н. Пр. Его мнѣніе, въ противоположность только что разобранному, отличается нѣкоторою неясностью. „Главный выводъ“, говоритъ онъ,—„не сдѣланъ авторомъ; онъ оставляетъ безъ отвѣта самый существенный вопросъ: кто же заселилъ степи нашего юга, кто внесъ въ нихъ первые начатки гражданственности, кто постепенно и тяжелою трехвѣковою работою обратилъ дикое поле въ одну изъ важнѣйшихъ частей государственнаго организма? Г. Багалѣй отвѣчаетъ: русскіе служилые люди, направляемые государствомъ, монастыри и вольные великорусскіе и малоросскіе колонисты“... Здѣсь нельзя не видѣть противорѣчія: выходитъ, что я и не сдѣлалъ главнаго вывода, и сдѣлалъ его; очевидно, авторъ хо-

тѣль сказать, что я сдѣлалъ не надлежащій выводъ, говоря, что южную окраину заселили русскіе служилые люди, направляемые государствомъ, монастыри и вольные великорусскіе и малорусскіе колонисты. Но кто же заселилъ ее въ такомъ случаѣ? „Великій подвигъ заселенія южно-русскихъ окраинъ не могъ быть совершенъ ни малорусскимъ, ни великорусскимъ народомъ, еслибы не существовала прочно установившаяся организація Московскаго государства, превосходно понимавшаго духъ и характеръ русскаго народа и неуклонно стремившагося къ достиженію весьма опредѣленныхъ цѣлей“. Но развѣ я отрицаю важную роль государства въ дѣлѣ заселенія изучаемаго края? Вѣдь вотъ другіе находятъ, что я даже преувеличиваю его значеніе. Разница между нами только въ томъ, что г. П. устраняетъ отъ этого подвига монастыри и народъ, а я оцѣниваю заслуги каждаго изъ этихъ элементовъ. Кто изъ насъ ближе къ истинѣ, рѣшить не трудно.

Всѣ эти замѣчанія относятся къ тѣмъ главамъ моего труда, которыя трактуютъ о великорусской колонизаціи. Къ сожалѣнію, такого вниманія не удостоились главы, посвященныя малорусской колонизаціи. Въ особенности меня изумилъ рецензентъ Ж. М. Н. Пр., который не приведя ни единого доказательства, не сказавъ ни слова о содержаніи 5-й главы (самой обширной) моего сочиненія, заявилъ, что она представляетъ только подборъ, а не обработку научнаго матеріала. Допустимъ, что я, какъ авторъ, могу ошибаться, думая, что если какая-нибудь глава будетъ признана наиболѣе полною, обработанною, стройною, то именно пятая. Но такое заключеніе высказали мнѣ всѣ мои критики и официальные оппоненты на диспутѣ: даже вообще строгій ко мнѣ рецензентъ Русской Мысли говоритъ, что „въ пятой (последней), отчасти третьей главѣ читатель найдетъ не мало новаго и поучительнаго“.

Въ заключеніе еще два слова г. П. Насъ нѣсколько удивило то, что сказано почтеннымъ критикомъ о монастыряхъ; какъ бы дополняя меня, онъ указываетъ еще на подвижничество, какъ на причину основанія монастырей; но у меня въ 5-й главѣ, оставленной безъ вниманія рецензентомъ, подробно говорится объ этомъ (стр. 524—525 и мн. др.); тамъ же (стр. 508—515) онъ нашелъ бы подробную исторію Святогорской обители и, по всей вѣроятности, тогда бы отказался и отъ „мѣстнаго преданія“, и отъ мысли о томъ, что монастырь этотъ былъ основанъ за чертою какихъ-либо сторожей (тамъ именно существовала—и еще не крайняя—Святогорская Сто-

рожа). Не видимъ мы также и указываемаго имъ противорѣчія въ вопросѣ о колонизаціонномъ значеніи сторожей и станичниковъ; сторожа и станичники дѣйствительно были первыми піонерами при колонизаціи степей, но упрочить эти степи за государствомъ могло только постоянное, осѣдлое населеніе; они же были временными непостоянными, неосѣдлыми обитателями степной украины. Нѣтъ реального противорѣчія и въ другомъ мѣстѣ, указываемомъ г. П.,— о расширеніи южной границы. Наконецъ, въ виду вопросительнаго знака рецензента, замѣтимъ, что Спасо-Преображенскій соборъ въ Черниговѣ дѣйствительно древнѣе Кіево-Софійскаго.

Авторы четырехъ вышеприведенныхъ отзывовъ стараются ука- зать на слабыя стороны моего сочиненія, полемизируютъ со мною, но все-таки представляютъ такіе или иные факты въ подтвержденіе своихъ мнѣній; совсѣмъ инымъ характеромъ отличается рецензія, помѣщенная въ Книжномъ Вѣстникѣ и подписанная буквами В-Н. С—ко.

Для того, чтобы составить данный критическій отзывъ, г. С—ку вовсе не нужно было знакомиться съ моею книгой: онъ просто составилъ его по газетному отчету о диспутѣ (Русск. Вѣд. 1887 г. № 143) и по моимъ тезисамъ. Я говорю это потому, что все содержаніе его критической замѣтки не выходитъ изъ сферъ этихъ „источниковъ“. Даже заглавіе моей книги у него приведено не точно. Въ началѣ замѣтки мы читаемъ такую фразу: „Русская колонизація отличается такими своеобразными чертами и стоитъ въ такой тѣсной связи съ общимъ ходомъ нашей исторіи, что должна неволью привлекать вниманіе изслѣдователя, недостатокъ же трудовъ въ этой области объясняется полнѣйшей необработанностью вспомо- гательныхъ средствъ и отсутствіемъ полноты данныхъ подъ руками изслѣдователя. Предлагаемый трудъ г. Багалѣя предпринять съ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ“. Прочитавъ это мѣсто, я съ изумленіемъ спрашивалъ себя: неужели я задавался цѣлью писать вообще исторію русской колонизаціи? неужели, самъ того не чувствуя, я написалъ ее? какимъ образомъ могъ рецензентъ такъ формулировать мою задачу, когда на первой же страницѣ введенія я прямо говорю, что взялъ предметомъ своего из- ученія не степную окраину, а только часть ея, лежащую на погра- ничьѣ донскаго и днѣпровскаго бассейновъ, занимающую нынѣ Во- ронежскую, Курскую и Харьковскую губерніи? Авторъ рецензіи гово- рить, что я рѣшился писать исторію русской колонизаціи, между

тѣмъ какъ я на второй страницѣ введенія говорю: „На свой трудъ я смотрю, какъ на новую страницу (значить—одну страницу) для будущей исторіи русской колонизаціи“. Всякому—хотя бы только перелистывавшему мою книгу, извѣстно, что содержаніе ея не выходитъ изъ этихъ рамокъ.

Итакъ, для оглавленія и введенія къ своей рецензіи, авторъ не пользовался ни моею книгой, ни даже предисловіемъ къ ней. Измысливъ для меня мническую задачу, авторъ рецензіи вслѣдъ затѣмъ преспокойно обвиняетъ меня въ томъ, что я „чрезвычайно широко поставилъ свою тему, между тѣмъ какъ жизненная (?) обработка далеко не охватываетъ ея“. Здѣсь рецензентъ повторяетъ, только въ искаженномъ видѣ, возраженіе почтеннаго профессора Н. А. Попова; Н. А. Поповъ дѣйствительно говорилъ, что я взялъ широкую тему (и географически, и хронологически); по его мнѣнію, я могъ бы, на примѣръ, ограничиться только Харьковскимъ краемъ, не касаясь Курскаго и Воронежскаго; но у него и въ мысли не было упрекать меня за то, что я взялся представить исторію русской колонизаціи вообще; рецензентъ же Книжнаго Вѣстника упрекаетъ меня именно за это, то-есть, за плодъ своей собственной фантазіи. Не удивительно такимъ образомъ, что мой трудъ не удовлетворяетъ поставленной мнѣ рецензентомъ задачѣ. „Къ сожалѣнію“, говоритъ онъ,—„исполненіе его далеко нельзя назвать удачнымъ“. Таковъ основной тезисъ рецензіи, а въ пользу его приводится нѣсколько замѣчаній В. О. Ключевского изъ указанного выше источника. Всѣ эти доказательства представляютъ повтореніе, искаженіе и сокращеніе мнѣній глубоко уважаемаго проф. В. О. Ключевского; въ нихъ нѣтъ ни одного новаго соображенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить соотвѣтственные мѣста одного и другаго. Мы не будемъ производить здѣсь такого сравненія, но опять повторимъ, что въ приведенномъ нами выше номерѣ Русскихъ Вѣдомостей можно найдти всѣ замѣчанія нашего рецензента: 1) относительно неполноты источниковъ, 2) недостаточность ихъ обработки, 3) народнаго характера великорусской колонизаціи, 4) отсутствіе указаній на начало колонизаціоннаго процесса. Всѣ эти замѣчанія были высказаны намъ проф. В. О. Ключевскимъ на диспутѣ, и теперь въ новомъ изданіи, но уже безъ всякой мотивировки и указанія на источникъ позаимствованія, повторяются рецензентомъ Книжнаго Вѣстника. Личное творчество его состояло только въ томъ, что онъ совершенно умолчалъ о достоинствахъ книги и перефразировалъ слова газетнаго отчета. Возраженія эти съ поразительною ясностью сви-

дѣлствуютъ о томъ, что рецензентъ не читалъ моей книги. „Говоря о великорусской колонизаціи“, замѣчаетъ рецензентъ,—„авторъ руководящее значеніе почему-то приписываетъ московскому правительству, между тѣмъ какъ понятія объ этомъ слагаются на оборотъ“. Могъ ли бы онъ выразиться, что я „почему-то“ приписываю руководящую роль въ великорусской колонизаціи правительству, еслибъ онъ читалъ мое изслѣдованіе? Конечно, нѣтъ: онъ могъ не согласиться съ моими доводами, но не видѣть ихъ не могъ. Я не буду, конечно, спорить по существу вопроса съ такимъ оппонентомъ, который не ознакомился съ моими фактическими данными и соображеніями; могу только посовѣтовать ему узнать (лучше поздно, чѣмъ никогда!) почему я высказалъ такое мнѣніе, а для того, чтобы облегчить этотъ трудъ, я укажу ему и на страницы своей книги, гдѣ приведены фактическія данныя и общіе выводы; впрочемъ предупреждаю заранѣе, что такихъ страницъ кажется очень много¹⁾. Впрочемъ начало этой статьи можетъ замѣнить ему отчасти и самую книгу. Таково одно блистательное доказательство рецензента въ пользу того, что онъ не далъ себѣ труда ознакомиться съ моею книгой. Объ этомъ же свидѣлствуетъ и второе возраженіе: „Быстрому заселенію“, говоритъ рецензентъ,—„слободскихъ полковъ малороссіянами, главнымъ образомъ, способствовало, по мнѣнію г. Багалѣя, дарованіе имъ московскимъ правительствомъ льготъ самоуправленія, свободная заимка земель и т. п.“. Еслибъ рецензентъ прочиталъ мою книгу, то онъ сказалъ бы, что мотивы переселенія малороссіянъ изъ Польскаго государства въ нынѣшнюю Харьковскую губернію выяснены мною подробно; на основаніи документальныхъ данныхъ указаны религіозныя, соціальныя, экономическія и политическія причины, заставлявшія жителей правобережья переходить въ московскій предѣлъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; выясненію одного религіознаго мотива въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича я посвятилъ болѣе 10 страницъ (162—173); переселеніе гетмана Я. Остренина мною (вслѣдъ за самимъ гетманомъ) объясняется религіозными причинами; но больше всего выходцевъ доставила эпоха „Руины“, когда политическая борьба разныхъ претендентовъ на гетманскую булаву обратила край въ пустыню. Что же касается льготъ, предоставленныхъ жалованными грамотами, то онѣ способствовали не самому факту переселеній (вызывавшихся названными мною выше причинами), а

¹⁾ См. стр. 36—59, 90—116, 126—131, 197—233, 237—251, 297—334, 353—359.

быстрому расселенію „прочая“ именно въ Слободской Украинѣ; не будь этихъ льготъ, выходцы изъ правобережья селились бы въ меньшемъ числѣ въ слободскихъ полкахъ, а оставались бы въ гетманщинѣ или уходили бы на Донъ, на Волгу и т. д. Все это доказано въ моей книгѣ документальными данными. А рецензентъ утверждаетъ, будто я не обратилъ вниманія на религіозный мотивъ, основываясь, очевидно, на дурно понятомъ 13-мъ тезисѣ моей диссертаци; по крайней мѣрѣ приведенный мною выше отрывокъ изъ рецензіи представляетъ просто перифразъ 13-го тезиса даже съ сохраненіемъ большинства моихъ выраженій. Третье доказательство, равно какъ и два остальныхъ, заимствованы изъ тѣхъ же Русскихъ Вѣдомостей, „Этому“ (неудачному исполненію задачи)—читаемъ мы въ Книжн. Вѣстникѣ — „прежде всего воспрепятствовала неполнота источниковъ для подобнаго труда: писцовыя книги почти совершенно нетронуты авторомъ“. Рецензентъ ни однимъ словомъ не проговаривается, что рѣчь идетъ о не изданномъ матеріалѣ, хранящемся въ архивахъ; онъ наивно полагалъ, что В. О. Ключевскій говорилъ на диспутѣ о печатныхъ писцовыхъ книгахъ; мы сознаемъ, что впасть въ такую ошибку рецензенту было не трудно, такъ какъ въ отчетѣ Русскихъ Вѣдомостей дѣйствительно ни разу не сказано, что дѣло идетъ о не изданныхъ документахъ. Да и можно ли въ самомъ дѣлѣ требовать отъ всякаго рецензента на книгу по русской исторіи свѣдѣній о томъ, что есть изданныя писцовыя книги, а есть и не изданныя.

Д. Багалъй.

Книжныя новости.

Посмертные чудеса святителя Николая архіепископа Муръ-Ликійскаго чудотворца. Памятникъ древней русской письменности XI вѣка. Трудъ *Ефрема*, епископа Переяславскаго (по пергаментной рукописи XIV вѣка библиотеки Троице-Сергіевской лавры № 9). Сообщилъ архимандритъ *Леонидъ*. С.-Пб. — Неутомимый изслѣдователь русской старины, о. архимандритъ Леонидъ, еще въ 1881 г. обратилъ свое вниманіе на одинъ драгоценный памятникъ древней русской письменности, сохранившійся, между прочимъ, въ одной пергаментной рукописи Троице-Сергіевской лавры и озаглавленный: „Житіе, дѣянія и чудеса св. Николая архіепископа Муръ-Ликійскаго чудотворца“; онъ начинается словами: „Въ дни прежняя благоволи Богъ объявити писанія“ и, по изслѣдованію о. Леонида, въ первой своей половинѣ представляетъ переводъ древняго житія святителя, написаннаго въ V вѣкѣ его правнукомъ, инокомъ монастыря св. Сіона